

23 ноября 1983 г.

Литературная газета
г. Москва

Уважаемая редакция!

Недавно я прочитал пьесу Л. Петрушевской «Уроки музыки», напечатанную в сборнике, выпущенном в этом году издательством «Советская Россия», а только что — в альманахе «Современная драматургия» комедию «Три девушки в голубом». Хотелось бы увидеть на страницах «ЛГ» интервью с драматургом, узнать о том, как она начинала, что пишет сейчас, каковы ее планы.

Ю. ГАВРИЛОВ

МОСКВА

БЕССМЕРТНАЯ ЛЮБОВЬ

Людмила

ПЕТРУШЕВСКАЯ:

— Начала я писать довольно поздно. Немного раньше, чем Аксаков, который «Записки об ужении рыбы» и «Детские годы Багрова-внука» написал лет в шестьдесят, по-моему. Некоторые прозревают рано, другие вообще, как сказала бы одна женщина по фамилии Смирнова, если кто видел пьесу «Чинизано». Я начала писать уже после двадцати пяти лет — я имею в виду рассказы. Мудрости, конечно, особой не было, но накопилось много вопросов. Почему? Какое имеют право? Не «кто виноват?», а «почему?». Почему люди, зная все, все равно живут так? Каждая история, каждый рассказ — это было для меня событие мучительное, честно говоря. И, стараясь рассказать об этом на бумаге, я, видимо, пыталась утешиться, что ли. Иногда к написанному рассказу несколько лет не могла прикоснуться. А потом рана как-то затягивалась, я рассказ находила и перепечатывала. С пьесами то же самое. И, может быть, в написанном есть какое-то зерно спасения: ты уже сообщил, ты уже обратился к людям... Ведь люди почему друг другу рассказывают? Чтобы от этой тяжести избавиться. Чтобы поддержать в себе ощущение идеально-го, высокого, того, что должно быть. О позорном рассказывают смеясь, о несправедливом — негодуя. О несчастии — с сочувствием. Такие рассказы — самая большая пища в моей жизни, иногда невольно слышишь чужой разговор, его и прекратить невозможно, нельзя дать понять, что слышишь, и уйти нигде нельзя, если едешь в толпе. Я не часто выбираюсь из дому, и иногда судьба мне дарит поразительные слова, необыкновенные фразы, например вот: из кино выходили люди, женщина шла под руку с мужчиной и сказала ему: «Я хочу быть понятой в личной жизни». Сразу все выстраивается. Что было, что есть и что будет. Какого характера этот человек, что у него за жизнь, какие страдания, какие перспективы... Что у него за разум.

Смешно говорить, но я иногда просто таращусь на людей, иду за кем-нибудь по улице.

Один раз в метро поразивший меня человек — рабочий, ехавший со смены, мой ровесник и брат по разуму, — оберегал любимую женщину от давки, а я сидела рядом с ней. Он вдруг наклонился ко мне и хмуро спросил: «Есть вопросы?». Я быстро сказала: «Есть». Стало быть, слишком явно уставилась... И герой предупредил, чтобы я поискала героя в другом месте.

У каждого пишущего, видимо, своя игра. Одни играют в господа бога, решают все проблемы и знают, что думает каждый, а кто играет в человека, любимого всеми, как Марсель Пруст, — думаю, на самом деле человек глубоко одинокий и сам, только сам безмерно любящий. Искусство вообще есть игра, причем игра с самим собой. То вдруг писатель — большой начальник, который решает судьбу промышленности или сельского хозяйства. То он совесть мира. Я не говорю, что это плохо. Большое счастье, что вообще есть мотор к тому, чтобы работать.

Когда я начала писать пьесы, я перерыла всю драматургию, перечитала все доступное иностранное, искала, безумно искала для себя какой-то образец, идеал, и я услышала о Вампилове. Но как только я о нем услышала, он погиб. Разница была в несколько недель. Две недели я жила с ощущением, что у меня есть путеводная звезда. Что наконец нашелся тот человек, который мне покажет и укажет. И его гибель была для меня личным огромным несчастьем. Заверь чует свою породу за несколько километров. Я не знала, его ли я породы, но что он той породы, какая мне нужна, я знала. Может быть,

мне и не надо было с ним разговаривать. Знаете, как бывает, когда приходит к писателю такое молодое существо и говорит: «Я пишу пьесы прям как вы». И что хорошего? Пиши по-своему. А ему надо, сознание, что есть родня, очень много дает.

— А какой мотор у вас?

— Вы знаете, когда мне говорили о Вампилове, то сказали: он не врет. А «Уроки музыки» я написала со злости. Просто перед тем на каком-то семинаре я услышала сценарий о молодом человеке, который бросил институт и пошел в шоферы — ну, типичная ситуация литературы шестидесятых годов. Кстати, тот самый человек из метро, если брать на пятнадцать лет раньше. Но все было вранье. Еще у того молодого человека девушка была, про которую я запомнила, что у нее было большое и доброе лицо. Вот такое — большое-большое, видимо. А стиль обсуждения на этом семинаре был таков, что, вместе того чтобы сказать: «Что это ты дрянно написал», — мальчики говорили: «Ну, старик, по-здравляю». Я первый раз была, первый раз познакомилась с тем, как пишущие люди в глаза врут. Встала и сказала, что думаю. Ведь все человек высосал из пальца, ведь прекрасно знал, как это бывает на самом деле, не слепой и не глухой. И соврал, чтобы продать. Не продается вдохновенье, но вранье продать можно. Пришла домой и быстро села писать, чтобы рассказать, как это происходит в жизни. Потом я забыла о своем первоначальном задоре, и осталось одно: не врать, не врать, не врать.

Сейчас по «Урокам музыки» поставили интересный спектакль в Колом-

не, в народном театре. Там есть очень сильные места и три прекрасные актерские работы. И такая Нина! У Романа Виктюка — его спектакль в театре-студии «Москворечье» меня просто потряс три года назад — Нина была жертвой. А тут Нина борец, хозяйка положения.

Вообще прелесть занятия театром состоит в том, что каждый хороший спектакль сильно дает автору по мозгам. Потому что открываются такие вещи, о которых даже не подозреваешь. Ты видишь людей из твоей же пьесы, но они родились и живут своей жизнью. Большие писатели говорили, что их герои «удирают» такие штуки с ними... В театре это происходит даже с небольшими писателями.

— Нина из «Уроков музыки» создает некую схему существования и пытается в ней удержаться. Многие ваши героини придумывают себе жизнь. «Пределный» случай — это Лена из рассказа «Скрипка» и Артемида в «Смотровой площадке». Героиня рассказа «Маня» сочиняет несуществующую любовь.

— Тут две разные вещи. Артемида и Лена — чистый случай вранья. У других — слепая надежда. А слепая надежда чиста и святая как бы. Да и ложь святая вещь, когда лжет беззащитный, спасаясь от сильных.

Вообще я не могу судить людей. Литература не прокуратура. Если не люблю и не жалею, я просто не в силах писать. Один раз, в «Смотровой площадке», я пыталась зафиксировать тип человека, который своей жизнью создает другим невыносимые условия существования. Таких людей психиатры называют «инфарктогенными». Но пока я писала, выяснилось, что они таковы для тех, кому угрожает инфаркт, а во-вторых, что

им самим несладко приходится. Начав с одного, я пришла к другому и призадумалась. И результат оказался — как в басне Крылова. Думать, видимо, нельзя, мне, во всяком случае, надо сохранять живое чувство. Но сохранить ненависть мне не удалось. Андрей получился не тем, он сам же и жертва, ему создают все условия... Побеждать можно только тех, кто готов к поражению. Меня упрекали, что я не ставлю точки над «и», что у меня в пьесах не наказано зло и в расказах не названы по именам злодеяния.

Не указан источник, не определена причина. Не решен вопрос, что делать с алкоголиками. Как быть одинокой женщине. Как быть матери-одиночке. Как быть вообще человеку... И вот, пользуясь нашим разговором, я хочу категорически ответить, что не дело пишущего решать. Наше дело — ставить вопросы. Правильно, честно, корректно, как математики выражаются. Чтобы другие начали тоже думать. Каждый о себе. Для меня пьеса начинается тогда, когда я понимаю, что на вопрос, поставленный в ней, люди будут искать ответ, выйдя из зала. Чтобы они, сидя в театре, уже начали ломать себе голову — как быть тем, кто на сцене... я бы тоже так сказал! да как же иначе... а он что вышло... нет, надо бы не так... И если, не дай господи, эта пьеса кончилась бы легким сиюминутным разрешением всех проблем, зритель бы облегченно вздохнул, бодро вышел и тут же бы все забыл. Ни одна пьеса не должна кончаться с аплодисментами в конце. Не говорю, что мне это удается, я просто хочу, чтобы так было.

— У вас нет ли феминистического уклона в выборе персонажей? Вот хотя бы название новой комедии — «Три девушки в голубом». Даже в «Смотровой площадке», где вроде бы герой мужчина, все равно Лидка, Артемида, безымянная племянница, которая старуху навещает, гораздо ярче...

— То есть вы считаете, что он — повод?

— Да нет, не повод, но я их чувствую сильнее, уж больно хороши, а его — через них.

— Вот и я тоже сомневаюсь... Кстати, один зам. зав. отделом прозы в одном издательстве, возвращая мне книгу рассказов, частным образом, вдогонку, меня спросил, на чьей стороне — мужчин или женщин. Я окрысилась и сказала, что на стороне детей...

А планы? У меня, честно говоря, хозяйство неплавающее. Мечты есть. В мечтах фигурируют и пьесы, и «Бессмертная любовь» — книга рассказов.

Беседа велась
М. ЗОНИНА